

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1963. a.

VIHİK 132 ВПУСК

ОСНОВАНЫ в 1893 г.

Л. С. БАЙКОВА

**БЕССОЮЗНЫЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ в ЯЗЫКЕ
Н. М. КАРАМЗИНА**

ТАРТУ 1963

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893 a.

VIHK 132 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ в 1893 г.

Л. С. БАЙКОВА

БЕССОЮЗНЫЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ в ЯЗЫКЕ
Н. М. КАРАМЗИНА

ТАРТУ 1963

Редакционная коллегия:

Ю. Лотман, А. Правдин (отв. редактор) и С. Смирнов

ДВУЧЛЕННЫЕ И ТРЕХЧЛЕННЫЕ БЕССОЮЗНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ Н. М. КАРАМЗИНА

В истории русского синтаксиса изучение бессоюзных сложных предложений занимает скромное место. Имеется небольшое количество специальных работ, посвященных изучению бессоюзных предложений в древнерусском языке¹, в литературном языке 17 века.² Структура бессоюзных предложений в литературном языке 18 века не изучена.

Целью настоящей статьи является исследование некоторых структурных типов бессоюзных предложений однородного состава, которые, с одной стороны, отражают черты национально-актуального³ и, с другой стороны, черты индивидуального⁴ в языке Н. М. Карамзина — видного представителя русской литературы 18 века.

Вопрос о заслугах Н. М. Карамзина в развитии русского литературного языка, как и вопрос об исторической роли писателя вообще не может считаться решенным.⁵ В. В. Виноградов отмечает, что создание средней литературной нормы, близкой к разговорному языку, свободной от архаичных славянизмов, простонародных вульгаризмов и диалектизмов, связано с именем Карамзина. Нововведения писателя, по мнению В. В. Виноградова, значительно содействовали развитию и углублению на-

¹ В. И. Борковский, Бессоюзные сложные предложения в древнерусских грамотах. Труды ин-та языкознания АН СССР, т. VIII, 1957; Э. И. Коротяева, О развитии бессоюзного предложения в русском языке, Уч. зап. ЛГУ, № 97, серия филологических наук, вып. IV, Л., 1949.

² Л. А. Глинкина, К вопросу о бессоюзном сложном предложении в языке древнерусских памятников 16—17 вв., Сб. Исследования по лексикологии и грамматике русского языка, АН СССР, М., 1961; Е. П. Васильева, Бессоюзное подчинение в литературном языке 17 стол., кандид. диссертация, ЛГУ, 1955 (рукопись).

³ Выражение В. В. Виноградова, Проблема авторства и теория стилей, 1961, стр. 225.

⁴ Там же.

⁵ В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 221—246; В. В. Виноградов, О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII—XIX вв., Известия АН СССР, отдел. литературы и яз., вып. 3, 1946, стр. 238; Ю. Лотман, Эволюция мировоззрения Карамзина 1788—1803, Уч. зап. Тартуского госуниверситета, вып. 51, 1957, стр. 122 и др.

ционально объединяющих тенденций в русском литературном языке, а его заслуги в области литературной фразеологии и синтаксиса грандиозны.⁶ Вместе с тем синтаксическая система языка писателя мало изучена, а его бессоюзные сложные предложения не исследованы.

Материал языка Н. М. Карамзина показал, что среди бессоюзных предложений заслуживают внимания, прежде всего, предложения с однотипными частями; их структура, с одной стороны, непосредственно связана с нормами современного литературного языка; с другой стороны, определенные черты данных конструкций находятся в сфере «индивидуально-стилистических открытий»⁷ Н. М. Карамзина — представителя экспрессивного синтаксиса конца 18 века. Следует учесть также тот факт, что бессоюзные предложения с однотипными частями не изучены в истории литературного языка: почти все работы направлены на изучение бессоюзных предложений с разнотипными частями.⁸ В. И. Борковский справедливо отмечает: «На бессоюзных сложных предложениях, сопоставляемых со сложносочиненными предложениями с союзами, не остановился ни Ф. И. Буслаев в «Исторической грамматике русского языка», ни А. А. Потебня в исследовании «Из записок по русской грамматике». Не уделяют им внимания и авторы научных курсов для высшей школы, вышедших за последние годы».⁹

Исследование материала показало, что бессоюзное сложное предложение с однотипными частями¹⁰ является продуктивной, четко оформленной, устойчивой синтаксической категорией в языке Карамзина.¹¹ Для выражения значений одновременности, сопоставления, последовательности широко привлекаются структурные элементы предложения: соотносительные видо-временные и модальные формы сказуемых, симметрично расположен-

⁶ В. В. Виноградов, Пушкин и русский литературный язык XIX века. Сб. Пушкин — родоначальник новой русской литературы, М.-Л., 1941, стр. 543—547.

⁷ Выражение В. В. Виноградова, указ. соч., стр. 569.

⁸ Ф. Е. Корш, Способы относительного подчинения, М., 1877; Э. И. Коротчаева, К вопросу о бессоюзном подчинении, Русск. яз. в школе, 1941, № 3; Е. П. Васильева, указ. соч.; А. И. Сумкина, К истории относительного подчинения в русском языке 13—17 вв., Труды ин-та языкознания АН СССР, вып. V, 1957 и нек. др.

⁹ В. И. Борковский, указ. соч., стр. 293—294.

¹⁰ Автор статьи придерживается точки зрения и терминологии, данной бессоюзным предложениям в «Грамматике русского языка» (изд. АН СССР, 1960) и в работе Н. С. Поспелова «О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений», Сб. «Вопросы синтаксиса соврем. русск. яз.», М., 1950.

¹¹ Об устойчивости формы исследуемых предложений свидетельствует сопоставление приемов их построения в произведениях, принадлежащих к различным жанрам, а также написанных в различные периоды литературной деятельности Н. М. Карамзина (см. об этом ниже, на стр. 19—20 настоящей работы).

ные однотипные члены, порядок слов, соразмерность и сам лексический состав частей, в некоторых случаях — порядок следования частей. Естественно, по мере возможности, мы принимаем во внимание предполагаемый тип интонации бессоюзных предложений. Как справедливо пишет Ш. Балли, «интонация никогда не отсутствует, хотя и носит тем менее выраженный характер, чем более понятным оказывается высказывание».¹²

Материал показал, что распадение бессоюзных предложений на однотипные части обладает определенной закономерностью, — в каждой разновидности подобных предложений отчетливо выделяются:

1) двучлены (состоят из 2-х частей): *Тут соблюдается тишина и благопристойность; тут вы любите англичан* (Письма, Русск. проза 18 в., 1950, т. II, 562).

2) трехчлены (состоят из 3-х частей): *Вокруг меня бегали олени; солнце катилось к западу; ветер шумел в густоте леса* (Там же, 460);

3) многочлены (состоят из 4-х и более частей): *Стрелы моголов были весьма остры и велики, сабли длинные, копыта с крюками, щиты ивовые или сплетенные из прутьев* (Ист. Гос. Росс., т. IV, 1889, 15).

Подобная членимость бессоюзных предложений представляется показательной в двух отношениях: во-первых, она отражает стремление писателя к лаконичным, структурно четким синтаксическим единицам (двучлены, трехчлены, некоторые многочлены), с другой стороны, создает предпосылку для возникновения особых сложных целых и конструкций с элементами периодической речи. В настоящей статье основное внимание обращено на бессоюзные двучлены, трехчлены, некоторые многочлены, особенности которых связаны как с национально-актуальным, так и с индивидуальным в языке Н. М. Карамзина.

Среди предложений с однотипными частями центральное место занимают бессоюзные предложения со значением одновременности явлений. Для выражения значения одновременности писатель использует не только соотносительность видо-временных форм сказуемых как таковых, но и соотносительность временных функций этих форм. Наблюдения показали, что определенная соотносительность временных функций сказуемых создает определенную синтаксическую форму и определенную стилистическую направленность рассматриваемых бессоюзных предложений.

¹² Ш. Балли, *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, Изд. иностр. литературы, М., 1955, стр. 56.

I. Бессоюзные предложения с соотносительностью обобщающих, повторительных функций сказуемых

Для предложений с указанными временными функциями сказуемых в большинстве случаев показательна подчеркнутая¹³ лексико-синтаксическая симметрия.¹⁴

Двучлены

1) О друзья! *все проходит, все исчезает!* (Аф. ж., т. VII, 1820, 90).

2) ... *Там стонет мертвец, там стонет* бедная Лиза (Бедн. Л., Русская проза 18 в., т. II, 1950, 249).

3) *Все будут презирать* меня; *все будут гнушаться* мной, как трусом, как недостойным сыном отечества (Там же, 246).

4) Душа моя живет *его* душою; сердце мое *его* сердцем (Прекр. цар. и щастлив. Карла, т. VI, 1820, 45).

5) *Все* его (Лафатера) движения *живы и скоры*; *всякое* слово *говорит* он с жаром (Письма, 353).

6) *Тогда* и свет *был лучше*, *тогда* и все люди *были добрее* (Там же, 460).

7) *Везде*, казалось, брали с меня лишнее; *на каждой перемене* держали слишком долго (Там же, 277).

8) *Не уставали* глаза *ее*, *смотря на младенца*; *не уставал* язык *ее*, *называя его тысячу раз любезным, милым сыном!* (Юлия, т. VI, 1820, 79).

9) *Часто* здесь в юдоли мрачной
Слезы *льются* из очей,
Часто *страждает* и *томится*,
Терпит много человек.

(Из письма к И. Дмитриеву, Соч. Карамз., т. I, Стих., 1917, 3).

Трехчлены

10) *Везде* мрачность! *везде* тьма; нет света для души моей (Др. «София», т. III, 1848, 308).

11) *Без* глаз твоих *темен* светлый месяц; *без* твоего голоса *скучен* соловей поющий; *без* твоего дыхания ветерок мне *неприятен* (Бедн. Лиза, 244).

12) *Нигде*, может быть, *нельзя найти* столько материи для философских наблюдений, как здесь (в Париже — Л. Б.); *нигде*

¹³ Термин наш. Под определением «подчеркнутая» понимается наличие комплекса структурных элементов предложения для выражения отношений между однотипными частями (Л. Б.).

¹⁴ Элементы лексико-синтаксической симметрии, по возможности, выделяются (Л. Б.).

столько любопытных предметов для человека, умеющего ценить искусство; нигде столько рассеяния и забав (Письма. 461—462).

13) Народ ленив, земля не обработана; деревни пусты (Там же, 411).

14) Нет! закон судьбы вечен; завет Тартара подобен алмазному нетленному; устав вышних сил не прменяется! (Аф. ж., 84).

Признаком синтаксической формы подобных предложений является соотносительность обобщающих, повторительных функций форм несовершенного вида сказуемых. Указанная соотносительность временных функций, как правило, сочетается с другими видами лексико-синтаксической симметрии, что и создает подчеркнутую симметрию бессоюзной конструкции. В. В. Виноградов указывает: «Сокращение союзов восполнялось экспрессивным, интонационно-мелодическим разнообразием их употребления и возмещалось богатством приемов симметрического построения синтагм и предложений»¹⁵ (характеризуются синтаксические особенности языка Карамзина). Исследуемый материал служит убедительной иллюстрацией этому наблюдению: части предложений обладают соотносительными — повторяющимися или однотипными — членами, сходным порядком слов, часто прямым (1, 3, 4, 7, 13, 14), соразмерностью. Показательно, что в целом ряде случаев части предложений содержат одинаковое или почти одинаковое (различие нередко в одном слове) количество слов, совпадая в живом произношении с одной синтагмой или членясь на небольшие синтагмы, ср. 1, 2, 4, 5, 6, 7, 10, 13.

Н. М. Карамзин, как представитель эмоционально-экспрессивного синтаксиса, был внимателен и требователен к порядку слов. «Мне кажется, — писал он, — что для переставок в русском языке есть закон; каждая дает фразе особенный смысл; и где надобно сказать «Солнце плодотворит землю» — там «землю плодотворит солнце» и «плодотворит солнце землю» будет ошибкою. Лучший, т. е. истинный, порядок, всегда один для расположения».¹⁶ В. В. Виноградов отмечает, что все отступление в языке Карамзина от естественного словорасположения обладают яркой эмоционально-смысловой мотивировкой.¹⁷ Это наблюдение подтверждается материалом бессоюзных предложений. В предложениях 2, 5, 8, 11, например, нарушение обычного порядка слов можно объяснить одним из экспрессивных приемов писателя — стремлением к анафоричным повторам членов: начальное положение второстепенных членов, зависящих от сказуемого, влечет за собой постановку последнего на первое место — перед подлежащим.

¹⁵ В. В. Виноградов, Проблема авторства и теория стилей, стр. 319.

¹⁶ Цитируется по статье Б. М. Эйхенбаума, Карамзин, Сб. «Сквозь литературу», Academia, Л., 1924, стр. 46.

¹⁷ В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 319.

Выразительности бессоюзных предложений содействует во многих случаях характерный для слога писателя эмоционально-экспрессивный прием тавтологичности-парафразичности¹⁸: в частях повторяются не только одинаковые слова, но и слова (словосочетания)-синонимы или слова сходной эмоционально-экспрессивной окраски, создающие одно впечатление, ср., например: проходить — исчезать (1), презирать — гнушаться (2), мрачность — тьма — нет света (10), ленив — не обработана — пусты (13); темен — скучен — неприятен (11), слезы льются — страждет (9) и т. п.

Стилистически данная форма бессоюзных предложений служит обычно средством передачи обобщенных наблюдений, чувствований, взглядов, вкусов писателя или его персонажей. Помощью предложений подобного содержания и структуры Карамзин оценивает сообщаемое, выражает отношение к нему и тем самым привлекает читателя на сторону своих оценок и убеждений. Можно предположить, что именно для высказываний такого содержания оказались приемлемыми обобщающие, повторительные функции временных форм сказуемых в сочетании с лексико-синтаксической симметрией других членов и лаконичная форма бессоюзного предложения — форма двучлена, реже — трехчлена. Изложенное разрешает заключить, что многие бессоюзные предложения рассмотренной синтаксической формы и стилистической направленности пополняют серию синтаксических приемов интимизации, которые описаны в литературе.¹⁹

II. Бессоюзные предложения с соотносительностью конкретно-описательных функций сказуемых

При указанной соотносительности временных функций сказуемых подчеркнутая лексико-синтаксическая симметрия менее категорична. На первый план выступает форма трехчлена.

Трехчлены.

1) На обеих сторонах дороги *растстлались* богатые луга; воздух *был тих и свеж*; многочисленные стада бляением и ревом своим *праздновали* захождение солнца (Письма, 285).

¹⁸ Ср. сходный по форме, но иного назначения стилистический прием в церковно-книжной литературе, В. Д. Левин, Краткий очерк истории русского литературного языка, М., 1958, стр. 46.

¹⁹ Л. А. Булаховский, Русский литературный язык I половины 19 в. Учпедгиз, 1954, т. II, стр. 455; Г. А. Золотова, Структура сложного синтаксического целого в Карамзинской повести, Труды ин-та языкозн. АН СССР, т. III, 1954, стр. 112—116.

2) Луна вошла над нами; ясный свет ее разливался по зелени листьев; тихий и чистый воздух был упитан благовоными испарениями лип (Там же, 298).

3) Заря алая на небе; птички пробудились; ветерок свевал росу с кустов и цветков, которые росли вокруг песчанного холма (Остров Борнг., Русск. проза 18 в., т. II, 269).

4) Никогда жаворонки так хорошо не певали; никогда солнце так светло не сияло; никогда цветы так приятно не пахли (Бедн. Л., 243).

5) Там в объятиях меланхолии сердце мое размягчилось — там слеза моя оросила сухое тление; там, помышляя о жизни и смерти народов, живо почувствовал я суету всего подлунного и сказал самому себе: «Что есть жизнь человеческая?..» (Сиера-Морена, Русская проза 18 в., т. II, 274).

6) Народ и воины наблюдали мертвое безмолвие; ужасная тишина царствовала; посадница остановилась перед домом Ярослава (Марфа-пос., Пов. Карамз., 1903, 138).

7) Лежат храбрейшие рядами;
Поля усеяны костями;
Всё пламенем истреблено.

(Осень, Соч. Карамз., т. I, 1917, 39).

Двучлены

8) Вьют осенние ветры
В мрачной дубраве;
С шумом на землю валятся
Желтые листья.

(Осень, Соч. Кар., т. I, 1917, 39).

9) Сердце холодно; кровь остановилась (Др. «София», 290).

10) Граждане обнимали воинов; слезы текли из глаз их (Марфа-пос., 125).

11) Народ волновался; храмы пустели (Ист. Гос. Росс., т. X, 1892, 172).

12) Софья стоит как окаменелая, ужас изображается на лице ее (Др. «София», 290).

Материал показывает, что конкретно-описательные функции выступают как у форм несовершенного вида, так и у определенных форм совершенного вида сказуемых. Так, в примерах 1, 8, 10, 11, 12 одновременность явлений поддерживается типичной для ее выражения соотносительностью форм несовершенного вида; в примерах 2, 3, 7, 9 — соотносительностью конкретно-длительных значений несовершенного вида и совершенных значений совершенного вида; в примере 5 — соотносительностью совершенных и начинательных значений совершенного вида; в предложении 6 сочетание конкретно-длительных значений несовершенного вида и однократных значений совершенного вида служит средством выражения частичной одновременности

явлений. Подобные виды сочетаемости временных форм сказуемых для выражения значения одновременности имеют распространение в современном литературном языке.²⁰

Бессоюзные предложения с соотносительностью конкретно-описательных функций сказуемых нередко выступают без подчеркнутой лексико-синтаксической симметрии (1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 11, 12), хотя и тут Карамзин неоднократно остается верным стремлению к привычным для его слога экспрессивным повторам (ср. 4, 5). Указанная особенность рассматриваемых предложений объясняется, вероятно, их стилистической направленностью: они являются одним из средств передачи конкретных описаний, поэтому повторение членов в частях оказывается менее необходимым, чем это бывает при создании обобщающих высказываний в форме бессоюзных двучленов и трехчленов, помощью которых автор стремится выразить свое отношение к излагаемому. Не случайно и то, что при подобной соотносительности временных функций сказуемых более продуктивны трехчлены (а также лаконичные многочлены), чем двучлены: форма бессоюзного двучлена в силу своего размера менее пригодна для описаний, чем форма трехчлена и многочлена, в которых, можно думать, уже сам количественный признак моделей (наличие 3-х частей и более) без подчеркнутой симметрии содействует их завершенности.

Материал показывает, что среди конкретных описаний в форме трехчленов и многочленов значительное место занимают описания картин природы (см. 1, 2, 3, 4, 8). Ср. также другие примеры:

13) Бильское озеро *светлело и покоилось* во всем пространстве своем; на берегах его *дымилась* деревни; вдали *видны были* городки Биль и Нидау (Письма, 410).

14) Везде *царствовала* тишина; вдали *шумело* море; последний луч вечернего света *угасал* на медных шпицах башен (Остров Борнго., Русск. проза 18 в., т. II, 1950, 265).

15) Высоко *взошел* ясный месяц; светло *блистает* журчащий ручей в своем течении; деревья, цветы и травы *изливают* свою амброзию; громко *поет* соловей на ветви розмариновой (Очерк «Ночь», т. III, 1848, 671).

Часто природа описывается в конструкциях, состоящих из ряда однородных предложений без союзов и последнего, замыкающего предложения с сочинительным союзом (обычно с «и»). Такие предложения отличаются смысловой и интонационной округленностью и могут именоваться замкнутыми:²¹

²⁰ Грамматика русского языка, АН СССР, т. II, ч. II, М., 1960, стр. 182, 384—386.

²¹ И. А. Попова, Сложносочиненное предложение в современном русском языке, Сб. Вопросы синтаксиса современного русского языка, М., 1960, стр. 374; А. Б. Шапиро, Основы русской пунктуации, М., 1955, стр. 149—150.

16) Величественная ночь *несется* на черных орлах своих; ее темная мантия *развевается* по воздуху, и все на земле *засыпает* (Очерк «Деревня», т. VII, 1820, 124).

17) Высокие ивы *с обеих сторон осеняют* речку; она *струится* по желтому чистому песку, и луч солнца, пробиваясь сквозь тень деревьев, *играет*, кажется, на самом дне ее (Рыцарь и. вр., Пов. Карамз., 1903, 211).

18) Утро было *прекрасное*; птички *пели*, и молодые олени *играли* на дороге (Письма, 307).

19) *Везде благоухали* ясины и ландыши; *везде пели* соловьи и малиновки, *везде курился* фимиам любви, и все питало удовольствиями любовь наших супругов (Юлия, 67).

20) Густая туча *висела* и *волновалась* над Новым-градом; из глубины ее *сверкали* красные молнии и *вылетали* шары огненные (Марфа-пос., т. III, 1848, 189).

Производя сопоставительный анализ «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева и «Писем русского путешественника» Карамзина, Д. Д. Благой отмечает: «В «Путешествии» Радищева почти нет картин природы. В «Письмах» им отведено очень большое место. С замечательными зарисовками природы мы встречаемся уже в стихах Державина. Но именно в «Письмах русского путешественника» впервые в нашей литературе 18 века было проявлено живое «чувство» природы, пейзаж был дан в неотъемлемой связи с соответствующим душевным настроением того, кто его созерцает». ²² Ясно членимые, симметричные бессоюзные предложения с однотипными частями, можно думать, оказались одной из приемлемых форм передачи рельефных пейзажных картин, которые, как показывает материал, имеют место не только в «Письмах русского путешественника», но и в повестях и очерках писателя. Наблюдения над языком предшественников и современников Карамзина показывают малую продуктивность описаний природы в форме бессоюзных предложений. Исключение представляет язык Г. Р. Державина. Однако форму его бессоюзных предложений нередко отягощает необычный порядок слов, некоторые устаревшие грамматические формы, архаичные или разговорные слова. Ср.:

Алмазна *сыплется* гора
С высот *четыремя* скалами.
Жемчугу *бездна* и *сребра*
Кипит внизу, *бьет* вверх буграми;
От брызгов *синий холм* *стоит*,
Далече *рев* в лесу *гремит*

(Г. Р. Державин, Стихотвор., Л., 1957, «Водопад», 178).

²² Д. Д. Благой, История русской литературы 18 века, М., 1960, стр. 538.

или:

Крылаты кони по эфиру
Летят и рассекают мрак,
Любезное светило миру
Пресветлый свой *возносит* зрак;
Бегут толпами тени черны

(Там же, Благодарность Фелице, 104).

Вышеизложенное разрешает заключить, что в языке Карамзина впервые встречается описание пейзажа в форме стройных, легко обозримых бессоюзных и замкнутых конструкций с однотипными частями, хотя отдельные случаи близких моделей уже встречаются в языке Г. Р. Державина. И. А. Попова пишет: «Особенно широко употребляется чисто соединительное сочинение предложений при описаниях природы в этом относительно новом литературном жанре, своего рода «пейзажной живописи». Сочинение предложений, сохраняя за каждым сообщением его самодовлеющую значимость, не подчиняя его другому, тем самым позволяя рельефнее рисовать, «изображать» картину за картиной».²³ Очевидно, Н. М. Карамзин был основоположником подобной «пейзажной живописи» в форме бессоюзных и замкнутых предложений с однотипными частями.

Вместе с этим бессоюзные предложения с описанием картин природы несут на себе печать индивидуального слога писателя: обладая стройной и изящной формой, они описывают природу в статичном, как будто застывшем виде. Указанному качеству способствует не только передача картин природы, как правило, в одновременном плане, но и преобладающие соотносительные формы прошедшего времени несовершенного вида сказуемых. «Прошедшее время несовершенного вида не двигает событий. Оно описательно и изобразительно. Само по себе оно не определяет последовательности действий в прошлом, а размещает все их в одной плоскости, изображая и воспроизводя их».²⁴ — отмечает В. В. Виноградов. Ср. в наших примерах: ... озеро светлело — дымилась деревни... — видны были городки; ... царствовала тишина — ... шумело море — луч угасал...; благоухали ясины — пели соловьи — курился фимиами; ... туча висела — молнии сверкали — вылетали шары и т. п.

Таким образом, материал показал, что бессоюзные предложения со значением одновременности обладают четкой структурой. Ясность структуры, использование разнообразных приемов сочетаемости видо-временных форм сказуемых, порядок слов, лексический состав предложений со значением одновременности приближают многие из них к бессоюзным конструк-

²³ И. А. Попова, указ. соч., стр. 368.

²⁴ В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947, стр. 588.

циям современного литературного языка. Вместе с тем известная сочетаемость структурных элементов предложения создает во многих случаях определенную стилистическую направленность бессоюзных конструкций и отражает некоторые особенности слога писателя.

В бессоюзных предложениях со значением сопоставления явлений так же, как и в предложениях со значением одновременности явлений, имеет место соотносительность обобщающих и конкретно-описательных функций сказуемых. Сходство в соотносительности видо-временных форм сказуемых, вероятно, обусловлено тем, что сопоставляются явления преимущественно в одновременном плане. Подчеркнутая лексико-синтаксическая симметрия (сопоставительные пары членов) показательна при той или другой форме соотносительности функций сказуемых. И. А. Попова отмечает: «Чем отчетливее выражены отношения сопоставления или противопоставления структурой предложения, а главное — его лексикой — тем меньше нужды в союзе, который в таких случаях нередко отсутствует».²⁵ Материал языка Н. М. Карамзина служит убедительным доказательством указанному наблюдению. Структурно-семантические особенности сопоставительных предложений получают отражение в интонации при произнесении: первая часть всегда отличается повышением тона, со второй части начинается понижение тона; пары членов, на которых сосредоточено сопоставление, несут логические ударения. Особенно выразительны сопоставительные предложения²⁶ с соотносительностью обобщающих, повторительных функций сказуемых:

1) Петр Великий, среди благодетельных замыслов для отечества, *хладеет в объятиях смерти*, — ничтожный человек нередко два раза из века в век переходит (Рыцарь наш. вр., 185).

2) Там (в городе) вечное принуждение; здесь (в деревне) покой и свобода (Юлия, 67).

3) Иногда Юлия вооружается против мужчин: Арис их защитник (Там же, 85).

4) *Натура* лучше знает, где расти дубу, вязу, лине; человек мудрит и портит (Деревня, 118).

5) *Русские гибнут, новгородцы богатеют* (Марфа-пос., 83).

6) Умные министры правят; умная публика смотрит и судит (Письма, 446).

7) Великие князья до времен Ольгиных воевали: она правила государством (Ист. Гос. Росс., т. I, 1889, 154).

8) *Прежде* какая-то грубая восточная пышность отличала богатых дворян в провинциях, *теперь* общий вкус в жизни

²⁵ И. А. Попова, Указ. соч., стр. 381.

²⁶ В настоящей статье рассматриваются сопоставительные двучлены. Вопрос о сопоставительных трехчленах писателя рассматривается в следующей статье (Л. Б.).

сближает состояния, без роскоши украшает посредственность и самому недостатку/у дает вид довольства (Ист. похв. слово Ек. II, т. VIII, 1820, 81).

9) *Эраст удивлял своим понятием, Леонид прилежанием* (Чувств. и хол., Повести Карамз., 1903, 159).

10) *Первый бросался в опасности, другой шел, куда посылали его* (Там же, 162).

11) *Эраст иногда завидовал равнодушию Леонидову: Леонид всегда жалел о пылке Эрасте* (Там же, 166).

12) *Эраст восхищался бурными временами греческой и римской свободы: Леонид думал, что свобода есть зло, когда она не дает людям жить спокойно* (Там же, 161).

Наблюдения над структурой бессоюзных сопоставительных предложений разрешили установить определенную градацию элементов языка, которые используются писателем для создания лексико-синтаксических сопоставительных пар:

I. Словосочетания: (свободные и несвободные).	Грубая восточная пышность — общий вкус; переходить из века в век — хладеть в объятиях смерти (8) и др.
II. Слова: (наиболее продуктивная группа)	великий — ничтожный (1), там-здесь (2), принуждение — свобода (2), воевать — править (7), натура — человек (4) и др.
III. Части слов (обычно морфемы)	вооружается — защитник (4), (сопоставляются части основ) равнодушие — пылкий (11) (сопоставляются корни) и др.
IV. Грамматические значения слов (наименее продуктивная группа)	отличал/а — сближает/ет — наряду с сопоставлением семантики слов, сопоставляются грамматические значения форм прошедшего и настоящего времени.

Сопоставляемые элементы, как показывает материал, часто представляют собой антонимичные, контрастные пары (великий — ничтожный, принуждение — свобода и т. п.). Однако не менее часто Карамзин сопоставляет члены субъективно, создавая пары не антонимичных, а разных с точки зрения автора явлений. Такие сопоставительные пары можно условно именовать авторскими (или контекстуальными) «антомимами», ср.: натура — человек (4), русские — новгородцы, гибнуть — богатеть (5), министры — публика, править — судить (6), воевать — править (7), понятие — прилежание (9), завидовать — жалеть (4), восхищаться — думать (12).

Стилистически бессоюзные сопоставительные двучлены ис-

пользуются богаче, чем двучлены подобной формы со значением одновременности явлений: они являються не только формой передачи обобщенных наблюдений, взглядов, оценок писателя, но и средством сопоставительной характеристики явлений и персонажей произведений. В повести «Чувствительный и холодный», например, применение бессоюзных сопоставительных предложений становится, можно сказать, во главу художественных средств, которыми достигается основной замысел повести — изображение двух противоположных характеров. Показательно, что в этом сравнительно небольшом по размеру произведении на 58 случаев бессоюзных предложений приходится 22 сопоставительные конструкции.

Сопоставительные предложения с соотносительностью конкретно-описательных функций сказуемых менее продуктивны:

1) *Одни с усмешкой смотрели на Ариса, другие пожимали плечами* (Юлия, 71).

2) В полдень многие всадники объезжали вокруг стен и высматривали места; другие взад и вперед скакали и мечами грозили осажденным (Ист. Гос. Росс., т. XII, 1889, 102).

3) *Шведы грозили нам союзом с Баторием* и нанятием ста тысяч воинов: *мы грозили силою одной России*, прибавляя: «Не имеем нужды, подобно вам, закладывать города свои и нанимать воинов» (там же, т. X, 1889, 40).

4) *Князь дал* воеводе саблю, стрелы и коня; *воевода князю* — щит, броню и меч (там же, т. I, 153).

Подобные предложения часты в «Истории Государства Российского», в которой писатель стремился к тщательному описанию исторических фактов. Поэтому представляется естественным преобладание в этом произведении предложений с соотносительностью конкретно-описательных функций сказуемых. Параллельные пары членов в данной форме предложений чаще обладают значением сопоставления разных, не всегда контрастных явлений (1, 2), при этом могут сопоставляться разные явления при сходстве действий (3, 4).

Предшественником Н. М. Карамзина в создании бессоюзных сопоставительных предложений можно считать М. В. Ломоносова. Язык его произведений предлагает выразительную категорию подобных предложений с использованием структурных элементов для связей частей:

1) *Науки подают* ясное о вещах понятие и *открывают* потаенные действия и свойств причины; *художества* к преумножению человеческой пользы оные *употребляют* (М. В. Ломоносов, Слово о пользе хим., Русская проза 18 в., т. I, 1950, 43).

2) *Иные друг друга изо льду тянут*, *иные*, напротив того, друг друга *погружают* и *колют* как неприятелей (там же, Полн. собр. соч., т. VI, Идеи для живописных картин, 1952, 388).

3) *Одни* (свойства вещей — Л. Б.) ясно и подробно *понима-*

ем; другие, хотя ясно в уме представляем, однако подробно изобразить не можем (Там же, Слово о пользе хим., 43).

- 4) *Здесь камни сношены к стенам на Капитонов;*
Там камни бросаны против святых законов
(Там же, Полн. собр. соч., т. VIII, Петр Великий, 1952, 716).

Обладая параллельными сопоставительными членами, соотносительными сказуемыми, известной соразмерностью частей, предложения М. В. Ломоносова отличаются от подобных в языке Н. М. Карамзина необычным порядком слов (ср. постановку сказуемого в конец предложения, — 1, 2, 3; несогласованного определения перед определяемым словом — 1), элементами архаичной лексики (1, 4). Язык современников Карамзина не показал выразительных бессоюзных предложений со значением сопоставления. Поэтому мы вправе считать Карамзина первым создателем стройной, во многих случаях лаконичной модели бессоюзного предложения с использованием структурных элементов для выражения сопоставительных отношений.

Бессоюзные предложения со значением последовательности явлений менее продуктивны в ряду конструкций с однотипными частями. Это, вероятно, связано с особенностями слога писателя, нередко стремившегося изображать явления статично, без ярко выраженной последовательности в развитии действия. Вместе с тем они обладают чертами, сходными с особенностями рассмотренных предложений: ясной членимостью, известной соразмерностью, лаконизмом и часто синтаксической однотипностью частей.

Двучлены

1) У Лизы *навернулись* на глазах слезы; она *поцеловала* мать свою (Бедн. Л., 240).

2) Солнце село, пастухи и пастушки *начали расходиться* по домам (Письма, 382).

3) Государь *обнимает* супругу — занавес *опускается* (там же, 458).

4) Голос *умолк*; тишина *царствует* в городе (там же, 353).

Трехчлены и многочлены

5) Жак *хотел броситься* за нею — ноги его *подкосились* — он *упал* без чувств на землю (Письма, 417).

6) Все *умолкает* — мы *внимаем* — она *играет и поет*: «Постой, о бог любви коварный!..» (Аф. жизнь, 80).

7) Уж яд *свирепствовал* в его сердце... пламя жизни *угасало*... *угасло* (там же, 71).

8) *Задумывается* (Добров — Л. Б.) — потихоньку *отворяются* двери — Параша *выглядывает* (Др. «София», 305).

9) *Пришла* мрачная осень; *пришла* скучная зима; лесное уединение *сделалось* для меня *несносным* (Наталья б. д., Избр. соч., СПб, 1911, 86).

10) *Блеснула* молния, *загремел* гром, *пошел* дождик (Рыцарь н. вр., 194).

В отличие от предложений со значением одновременности и сопоставления явлений исследуемые предложения обычно не обладают подчеркнутой лексико-синтаксической симметрией (анафоричные повторы, параллельные однотипные члены). Поэтому, помимо соотносительности видо-временных форм сказуемых, в выражении значения последовательности явлений важную роль играет порядок следования частей. Материал свидетельствует о том, что соотносительность видо-временных форм сказуемых является неоднородной: с одной стороны, это типичное для выражения временной последовательности явлений сочетание форм прошедшего времени совершенного вида (1, 2, 9, 10), с другой стороны, это соотносительность форм несовершенного вида (3, 6, 8) или сочетаемость форм несовершенного вида с формами совершенного вида (4, 5, 7). А. Н. Гвоздев отмечает: «Совершенный вид глаголов указывает на развитие событий, а также на последовательность и смену действий, при этом более четко при глаголах, обозначающих конкретные действия с небольшой длительностью, и менее четко при глаголах, выражающих длительные действия».²⁷ Данное наблюдение касается лишь некоторой части исследуемых предложений (см., например, 1, 2, 9, 10), при этом предложений с соотносительностью глаголов-сказуемых «конкретного действия с небольшой длительностью»²⁸ встречается немного (ср. 5, 10). Следует отметить, что знаки препинания между частями предложений с последовательными отношениями (тире, многоточие, точка с запятой)²⁹ в определенной степени также подчеркивают характер изображаемого действия. Таким образом, при выражении отношений последовательности неоднородность соотносительности форм сказуемых, в некоторых случаях лексическое значение самих сказуемых, в известной мере знаки препинания отражают одну из черт повествовательного стиля Карамзина: отсутствие быстроты, динамизма в развитии действия. Стилистически бессоюзные предложения с последовательными отношениями используются для описаний, в которых редко выражаются взгляды, вкусы, оценка писателя.

²⁷ А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка, М., 1955, стр. 277.

²⁸ Там же.

²⁹ См. наблюдения над функциями знаков препинания в языке Карамзина: В. В. Виноградов, Стиль Пушкина, М., 1941, стр. 282, 285; А. Б. Шапиро, Основы русской пунктуации, М., 1955, стр. 139, 156—157.

В живом произношении рассматриваемым предложениям обычно присуща плавная, округленная интонация. Последняя особенность еще более выразительна при чтении замкнутых конструкций с последовательными отношениями. Структура их, как и структура подобных конструкций со значением одновременности явлений, обнаруживает непосредственную связь с замкнутыми предложениями современного литературного языка:³⁰

1) Через час *нашли* легкие облака; *повеял* ветерок, море *заструилось* и парусы *вспорхнули* (Письма, 571).

2) Колокольчик *зазвенел*, лошади *помчались*, и друг наш *осиротел* в мире, *осиротел* в душе своей (Там же, 276).

3) В пять часов *начался* стук и топот нетерпения; в половине шестого занавес *поднялся* — и все *утихло* (Там же, 452).

4) Скоро действие крепкого меду *омрачило* головы неосторожных (древлян — Л. Б.); Ольга *удалилась*, подав знак воинам своим — и 5000 древлян, убитых ими, *легло* вокруг Игоревои могилы (Ист. Гос. Росс., т. I, 1888, 142).

5) Сражение *началось* утром: в полдень греки, утомленные зноем и жаждою, а более всего упорством неприятеля, *начали отступать*, и Цимисхий *должен был дать* им время на отдохновение (Там же, т. I, 164—165).

6) Торжественная музыка *загремела* — *загремели* хоры и гимны — царь добрый *сложил* руки любовников — и бракосочетание *совершилось* со всеми пышными обрядами (Прекр. цар. и щастл. Карла, т. VI, 1820, 52).

Замкнутые предложения четко членятся, обладают обычно известной соразмерностью, сходным порядком слов и синтаксической однотипностью частей. Соотносительность видо-временных форм сказуемых в них более однородна, чем в подобных предложениях без замыкающего союза: это обыкновенно типичные для выражения отношений последовательности в современном языке формы прошедшего времени совершенного вида.

Таким образом, исследуемый материал показал, что бессоюзные предложения с однотипными частями являются устойчивой, четко оформленной синтаксической категорией в языке Н. М. Карамзина. Сопоставление с подобными предложениями в языке предшественников и современников писателя разрешает предположить, что Карамзин первый в истории русского литературного языка создал выразительную категорию бессоюзных предложений однородного состава, общая структура которых получила распространение в современном литературном языке. Лаконизм, четкая членимость, местоименная связь между частями ряда бессоюзных предложений (ср., напр.,

³⁰ Н. А. Попова, указ. соч., стр. 374.

на стр. 9 № 2, 9, 10, 12, стр. 11 — № 16 и др.) приближают многие из них к разговорной форме литературного языка.

Устойчивость приемов бессоюзного соединения предложений доказывается не только значительным количеством примеров, но и отсутствием принципиального отличия формы бессоюзных предложений с одноклассными частями в речи автора и в речи персонажей, а также в произведениях различных жанров Н. М. Карамзина. «Карамзин стремился во всех литературных жанрах сблизить письменный язык с живой разговорной речью образованного общества»,³¹ — заключает В. В. Виноградов. Сходность структуры бессоюзных предложений с одноклассными частями в произведениях различных жанров является одним из доказательств данного обобщения. На примере сопоставления бессоюзных предложений со значением одновременности в произведениях различных жанров выявились следующие общие черты их структуры:

- 1) сходная соотносительность видо-временных форм сказуемых для выражения значения одновременности;
- 2) параллелизм других членов одинакового синтаксического значения;
- 3) сходство в порядке слов, обычно прямом, частей;
- 4) соразмерность частей большинства предложений.

Подобные общие черты построения выявились также при сопоставлении бессоюзных предложений, написанных в разные периоды литературной деятельности Н. М. Карамзина. Ср. например, основы построения бессоюзных предложений с одноклассными частями в более ранних произведениях писателя «Бедная Лиза» (1792), «Дремучий лес» (1793) и в более позднем произведении «Марфа Посадница» (1803).

1) *Глаза мои темнеют: слова замирают на устах моих...* (Дрем. лес, изд. Смирдина, т. III, 1848, 77).

2) *Все будут презирать меня, все будут гнушаться мной, как трусом, как недостойным сыном отечества* (Бедн. Лиза, изд. Смирдина, ч. III, 1848, 18).

3) *Уже сердце его нежно влеклося к ее сердцу; уже горесть ее трогала его душу; уже хотел он спросить о причине слез, блиставших на ее ресницах... / но туг другое явление представилось глазам его* (Дрем. лес, 74).

4) *Юный полководец ласково говорил с ними; юная супруга его кланялась им приветливо* (Марфа Пос., изд. Смирдина, т. III, 1848, 204).

5) *Их именем ставлю юношу на степень велнчия; их именем*

³¹ В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка 17—19 веков, М., 1938, стр. 178.

вручаю ему судьбу всего, что для меня драгоценнее в свете: вольности и Ксенни (Там же. 191).

6) *Уже* Ксения *стоит* перед алтарем подле юноши; *уже* совершается обряд торжественный; *уже* она *супруга*: /но еще не *взглянула* на того, кто должен быть отныне властелином судьбы ее (там же, 197).

Сопоставление показывает, что для связи однотипных частей используются сходные структурные элементы предложения (соотносительные формы сказуемых, повторение одинаковых, часто анафоричных членов, сходный порядок слов). Показательно, что и при построении периодических конструкций соблюдаются одни и те же приемы как в ранних произведениях, так и в более поздних (ср. примеры 3 и 6). Подобные результаты получены также при сопоставлении структуры бессоюзных предложений в I томе (1815) и в XII томе (1826) «Истории Государства Российского». Материал показал, что различие в структуре бессоюзных предложений иногда упирается лишь в степень осложнения частей синтаксическими оборотами. Осложнение частей конструкций наиболее типично для «Истории Государства Российского» в целом — монументального произведения исторического жанра.

Результаты произведенного сопоставления разрешают судить об устойчивости исследуемой синтаксической категории в языке писателя.

К особенностям индивидуального в синтаксисе писателя следует отнести факт преобладания бессоюзных предложений со значением одновременности явлений в ряду предложений с однотипными частями. Исследуя эволюцию мировоззрения Н. М. Карамзина, Ю. Лотман справедливо указывает на то, что в стиле писателя заметно стремление описывать «внешнее и через внешнее».³² Значительная роль бессоюзных предложений со значением одновременности явлений объясняется, можно думать, указанной тенденцией. Описание событий в одновременном плане лишает выражаемое действие динамизма, развития, придает ему статичный, «внешний» характер. Стремление писателя к статичному описанию в одновременном плане сказывается, по нашим наблюдениям, в ряде приемов: в использовании обобщающих, вневременных функций глагольных форм для выражения одновременных и сопоставительных отношений, — при этом соотносительность подобных функций нередко сочетается с подчеркнутой симметрией и приемом тавтологичности-парафразности; в преобладании форм прошедшего времени несовершенного вида в конкретных описаниях; в продуктивности замкнутых конструкций как со значением последовательности,

³² Ю. Лотман, указ. соч., стр. 131.

так и со значением одновременности явлений³³; в способах выражения малоподвижного действия предложениями с последовательными отношениями.

МНОГОЧЛЕННЫЕ БЕССОЮЗНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ Н. М. КАРАМЗИНА

Многочленные бессоюзные предложения с однотипными частями¹ также отражают некоторые особенности индивидуального и национально-актуального в языке Н. М. Карамзина.

Мы уже отмечали², что бессоюзные предложения однородного состава обладают четкой членимостью, а распадение их на однотипные части заключает известную закономерность — в каждой разновидности подобных предложений четко вырисовываются:

1) Двучлены: Нет! Небо *не падает*, земля *не колеблется* (Бедн. Л., Русская проза 18 в., т. II, 1950, 249).

2) Трехчлены: *Везде* мрачность! *везде* тьма, нет света для души моей (Др. «София», т. III, 1848, 308).

3) Многочлены: Музыка снова *заиграла* — все театральные герои *рассыпались* — занавес *поднялся* — *начался* балет — Вестрис *показался* — рукоплескания, как гром, *раздались* во всех концах театра (Письма, Русск. проза 18 в., т. II, 1950, 420).

Такое отчетливое членение бессоюзных предложений, отражая, с одной стороны, стремление писателя к лаконичным конструкциям (двучлены, трехчлены), создает вместе с тем предпосылку для возникновения элементов периодической речи и признаков особых синтаксических целых в многочленах и некоторых трехчленах.

Материал показывает, что бессоюзные многочлены и трехчлены со значением одновременности явлений нередко обладают анафоричными повторами членов, известной соразмерностью, небольшой распространенностью и часто синтаксической однотипностью частей. Это создает их четкую членимость. «Подчинив синтаксический строй принципу легкого и приятного произношения, Карамзин делает прозрачным логико-

³³ В современном литературном языке замкнутые конструкции показательны обычно для предложений с последовательными отношениями, Ср. И. А. Попова, Сложносочиненное предложение в современном русском языке, стр. 374.

¹ Автор статьи придерживается точки зрения и терминологии, данной бессоюзным предложениям в Грамматике русского языка (АН СССР, 1960) и в работе Н. С. Поспелова «О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений». Сб. Вопросы синтаксиса современного русского языка, М., 1950.

² Л. С. Байкова, Двучленные и трехчленные бессоюзные предложения в языке Н. М. Карамзина.

синтаксическое и ритмическое членение речи»,³ — отмечает В. В. Виноградов. Указанное наблюдение подтверждается нашим материалом: ср. также:

1) *Тут жили французские цари Кловисова поколения; тут заключены были любезные дочери Карла Великого; тут при королях второго поколения знатные парижские дамы виделись со своими обожателями; тут ныне выкармливают голубей для продажи* (Письма, 472).

2) *Любовь, надеждою оживляемая, алела в сию минуту на щеках милой нашей красавицы; любовь сияла в ее взорах; любовь билась в ее сердце; любовь подымала руку ее, когда она крестилась* (Наталья, б. д., Избр. соч., Спб., 1911, 77).

- 3) *Уже без ветрил, без кормила
По безднам буря нас носила, —
Гребец от страха цепенел;
Уже зияла хлябь под нами
Своими пенными устами;
Надежды луч в душах бледнел;
Уже я с жизнью прощался,
С ее прекрасною зарей;
В тоске слезами обливался
И ждал погибели своей...*

(Стих. «Волга», Соч. Карамз., т. I, 1917, 76).

Конструкция состоит из 6 частей, которые равномерно группируются в три смысловые картины с одинаковыми анафоричными обстоятельствами времени (уже).

- 4) *Он боится разбудить ее;
Он досадует, что сердце в нем
бьется с частым, сильным трепетом;
Он дыхание в груди своей
останавливать старается,
чтобы долее красавицу
беспрепятственно рассматривать*

(Там же, Илья Муромец, бог. сказка, 120).

Показательно в последнем примере постепенное, как бы равномерное нарастание словесного объема каждой части: первая часть — простое предложение (он боится разбудить ее...), вторая часть — сложноподчиненное предложение с нераспространенным главным предложением (он досадует...), третья часть — сложноподчиненное предложение с распространенным главным предложением (он дыхание в груди своей останавливать старается...). Постепенное словесное увеличение каждой части содействует нарастанию смыслового и при чтении интонационного напряжения конструкции. Анафоричные повторы членов в соразмерных частях других примеров (1, 2, 3) также

³ В. В. Виноградов, *Стиль Пушкина*, М., 1941, стр. 280.

создают впечатление смыслового и интонационного нарастания к концу фразы. Исследуя природу периода в русском литературном языке 19—20 веков, Я. И. Гаряев пишет: «И все же анафорические явления и соразмерность частей в предложениях, неизбежно организующие и ритм, сами по себе, при отсутствии других показателей, способны создавать впечатление периода. При известных воззрениях эти показатели могут быть приняты за основание».⁴ Разделяя традиционную точку зрения на периоды⁵, мы усматриваем в подобных конструкциях только элементы периодической речи: если условно предположить, что подобные предложения (ср. 1—4) представляют собой первую часть периода, то в таком случае не хватает второй части для оформления периода как такового.

Однако материал предлагает и такие многочленные предложения, в которых имеет место структурно-семантическое и интонационное разделение на две части («повышение» и «понижение»). Это конструкции преимущественно с признаками обобщающего и заключительного периода. Об обобщающем периоде А. Б. Шапиро сообщает следующее: «В первой части обобщающего периода содержится перечень ряда предметов, действий, явлений и т. п., выраженных... однородными (сочиненными) предложениями... Вторая часть периода содержит обобщающее утверждение ко всему тому, что перечисляется в I части. В тех случаях, когда I часть состоит из ряда однородных предложений, она в целом представляет собой придаточное предложение по отношению ко II части, являющейся в целом главным предложением...

...но в чем он истинный был гений
что знал он тверже всех наук,
что было для него измлада
и труд, и мука, и отрада,
что занимало целый день
его тоскующую лень, —/
была наука страсти нежной,
которую воспел Назон

(Пушк., Евг. Он., гл. I).⁶

Наблюдения, произведенные над союзными сложными предложениями, можно распространить, на наш взгляд, на бессоюзные. При оформлении бессоюзного периода, естественно, в большей степени мобилизуются структурные элементы предложения, помимо союзов: строение частей, повторяющиеся или соотноси-

⁴ Я. И. Гаряев, Период как грамматическое явление в русском литературном языке 19—20 стол., Челябинск, 1947, стр. 91 (рукопись, имеется в библиотеке АН СССР, Ленинград).

⁵ См. А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка, М., 1952, стр. 443—444.

⁶ А. Б. Шапиро, О периодической форме речи, Русский язык в школе, 1951, № 1, стр. 33.

тельные анафоричные члены, параллельные обособленные обороты, порядок слов, местоименная связь. Ср.:

5) Герой *разит* неприятелей или *хранит* порядок внутренний, судья *спасает* невинность, отец *образует* детей, ученый *распространяет* круг сведений, богатый *сооружает* монументы благотворения, господин *печется* о своих подданных, владелец *способствует* успехам земледелия⁷: *все* равно *полезны* государству (Приятные виды..., т. IX, 1820, 117).

6) *Везде* богатые, темно-зеленые и тучные луга, где пасутся многочисленные стада, блестящие своею перловою и серебряною волною; *везде* прекрасные деревеньки с кирпичными домиками, покрытыми светлою черепицею; *везде* видите вы маленьких красавиц (в шести белых корсетах, с распущенными кудрями, открытою нежною грудью), которые держат в руках корзинки и продают цветы; *везде* замки богатых лордов, окруженные рошами и зеркальными прудами; *везде* встречается вам множество карет, колясок, верховых; множество хорошо одетых людей, которые едут из Лондона и в Лондон или из деревень и сельских домиков, выезжают прогуливаться на большую дорогу; *везде* трактиры и у *всякого* трактира стоят оседланные лошади и кабриолеты — /одним словом, дорога от Лувра до Лондона *подобна* улице многолюдного города (Письма, 524).

7) Ничто смертное *к ним* (к горам) *не прикасалось*; самые бури *не могут до них возноситься*; одни солнечные и лунные лучи *лобызают их* нежную округлость, вечное безмолвие *царствует вокруг их* — /здесь конец земного творения (там же, 374).

8) *Вечно* движение в одном кругу, *вечное* повторение, *вечная* смена дня с ночью и ночи с днем, *вечное* смещение истин с заблуждениями; капля радостных и море горестных слез... /мой друг, на что жить мне, тебе и всем? (Мелодор к Филалету, т. VII, 1820, 101).

Во фразах намечается деление на две части: первые части — сочетание со значением одновременности простых предложений, которые обладают известной соразмерностью, сходством в структуре, иногда анафоричными одинаковыми членами (6, 8) или «скрепляющей», местоименной связью (ср.: к ним — до них — их — вокруг их — 7); вторые части, обобщающие сказанное в I частях, — простые предложения с иной модальностью; они оценивают сказанное в первых частях и находятся в присоединительной связи.⁸ Оценочная часть многочлена 8 пред-

⁷ Первая часть периода (повышение) отделяется от второй (понижения) чертой (Л. Б.).

⁸ Придерживаемся мнения тех авторов, которые усматривают при присоединительной связи не только функцию добавочного сообщения, но и функцию сообщения важного, существенного с точки зрения автора. См., например, высказывание И. А. Поповой, Сложносочиненное предложение в современном русском языке, Сб. Вопросы синт. совр. русск. языка, 1950, стр. 400.

ставляет собой риторический вопрос, являющийся, как известно, одним из приемов экспрессивного синтаксиса писателя.

Признаки заключительного периода чаще встречаются в замкнутых конструкциях. А. Б. Шапиро отмечает, что в заключительном периоде приводится ряд фактов, которые служат основанием для следствия, выражаемого второй частью периода.⁹ Подобное взаимоотношение частей наблюдается в замкнутых конструкциях Карамзина. Ср.:

9) Очи твои сияют как солнце; уста твои алеют как заря утренняя, как вершины нежных гор при восходе дневного светила — ты улыбаешься как юное творение в первый раз улыбалось; / и в восторге слышу я сладко гремящие слова твои: «Продолжай, любезный мой праправнук!»... (Наталья, б. д., 66).

- 10) Он пел им красоту природы, мироздания;
Он пел им тот закон, который в естестве
разумным оком зрим; он пел им человека,
Достоинство его и важный сан; он пел,
И звери дикие сбегались,
И птицы стаями слетались,
И реки с шумом устремлялись,
И ветры быстро обращались
Туда, где мчался глас его

(Стих. «Поэзия», Н. М. Карамзин, СП., Л., 1958, стр. 79—80).

В последней конструкции особенно отчетливы элементы периодической речи: I часть (повышение) и II часть (понижение) обладают значительным расчленением, которое объединяет сходство структуры у отдельных членов частей.

Таким образом, рассматриваемый материал разрешает заключить, что по признакам периодической речи бессоюзные трехчлены и многочлены писателя представляют две группы: 1) конструкции, обладающие только элементами периодической речи (ср. 1, 2, 3, 4); их можно назвать как бы предпосылкой для образования полных периодов; 2) конструкции, приближающиеся к форме полного периода в современном его понимании (ср. 5, 6, 7, 8, 9, 10). Стилистически подобные предложения используются как средство развернутого, экспрессивного описания (1, 3, 4, 7, 10) или как средство передачи обобщающих наблюдений, взглядов писателя (2, 5, 6, 8), поэтому не случайна здесь соотносительность обобщающих, повторительных функций временных форм сказуемых (1, 2, 5, 6, 7, 9, 10). Помощью структуры периода писатель нередко дает излагаемому оценку, заключенную во второй части периода (6, 7, 8, 9). В передаче взглядов, наблюдений, оценки, а также экспрессивных описаний сказывается стремление писателя к интимности изложения, к контакту с читателем. А. А. Акишина пишет: «Бесспорным явля-

⁹ А. Б. Шапиро, указ. соч., стр. 35.

ется то, что речевому периоду как особой синтаксической конструкции свойственна определенная самостоятельная стилистическая функция. Бесспорно и то, что период не может, подобно некоторым другим видам предложения, выступать в собственно «нейтральной» функции. Периодическая речь непременно вносит своеобразное звучание в повествование». ¹⁰ Можно полагать, что Карамзин, считая в форме бессоюзных периодов разнообразными способы синтаксического построения частей с экспрессивными приемами, стремится к легкому, изящному, интимному повествованию.

Элементы периодической речи в бессоюзных предложениях современников Карамзина мало продуктивны. Поэзия Г. Р. Державина представляет исключение, но, по утверждению исследователей, предлагает периоды слишком большого объема. ¹¹ Наблюдение над его бессоюзными многочленными предложениями в определенной мере подтверждает указанное мнение. Ср., например:

*Не мыслить ни о чем и презирать сомненье,
На все давать тотчас свободное решенье,
Не много разуметь, о многом говорить;
Быть дерзку, но уметь продерзостями льстить;*

Красивой пустошью *плодиться* в разговорах,
И другу, и врагу *являть* приятство в взорах;
Блестать учтивостью, но, чтя, *пренебрегать*,
Смеяться дуракам и им же *потокать*,

Любить по прибыли, по случаю *дружиться*,
Душою подличать, а внешностью *гордиться*,
Казаться богачом, а *жить* за счет других;
С осанкой *важничать* в безделицах самих;

Для острого словца *шутить* и над законом;
Не *уважать* отцом, ни матерью, ни троном;
И, словом, лишь умом в поверхности *блестать*,
В познаниях одни цветы только *срывать*,
Гот узел *рассекать*, что развязать не знаем, —
Вот остроумием что часто мы считаем!

(Г. Р. Державин, Стих., «Модное остроумие», 1957, Л., стр. 80).

Помимо значительного объема, данный период, в отличие от периодов Карамзина, не обладает анафоричными повторами членов, отбором относительно нейтральной лексики, достаточной стройностью формы. Я. Грот в свое время писал о языке Державина: «Естественно впрочем, что и в лучших стихотворениях своих Державин не избегал неровностей языка: он не умеет отдавать себе строгого отчета в его употреблении». ¹²

¹⁰ А. А. Акишина, Периодическая форма речи в современном русском языке. Автореферат кандидатской диссертации, Львов, 1958, стр. 16.

¹¹ Я. И. Гаряев, указ. соч., стр. 101—103.

¹² Я. Грот, Сочинения Державина с объяснительными примечаниями, т. IX, изд. Имп. Ак. Наук, 1883, стр. 334.

Бессоюзные трехчленные и многочленные предложения со значением сопоставления явлений занимают особое место. Общеизвестно, что структура бессоюзных сопоставительных предложений имеет замкнутый характер: они состоят из двух сопоставляемых частей.¹³ Бессоюзные сопоставительные конструкции в языке Карамзина, по нашим наблюдениям, обладают большими возможностями сцепления предложений: они могут быть трехчленными, в отдельных случаях — многочленными. Значение сопоставления находит свое выражение, с одной стороны, в структурных элементах предложения, с другой стороны, в интонационном оформлении конструкций при произношении. Ср.:

1) *Здесь неслась часть домика, где обитали перед тем покой и довольствие, — тут бурная волна мчала запас осторожного, но тщетно осторожного поселянина, — / там плыла бедная блеющая овца* (Письма, 342).

2) *Здесь сребрится растение Азии; там желтеет колосистая рожь; / тут зеленеет ячмень с острыми иглами своими* (Деревня, т. VII, 1820, 120).

3) *Там горсть греков торжествует над бесчисленными персами; тут голландские рыбаки и швейцарские пастухи истребляют лучшие армии; / здесь Венеция или прусский Фридрих противится всей Европе и заключает славный мир* (Письма, 544).

4) *Одни, сидя под тенью дерев, читали и держали перед собою книги, не удостоявая прохожих взора своего; другие, сидя в кругу, курили трубки и защищались от солнечных лучей густыми табачными облаками, которые извивались и клубились над их головами; / иные в темных аллеях гуляли с дамами и проч.* (там же, 321—322).

Если двучлены отличаются, как известно, параллелизмом сопоставительных пар членов (ср., напр.: «Там вечное принуждение; здесь покой и свобода» — «Юлия»), то рассматриваемые конструкции содержат параллельные сопоставительные ряды, которые состоят из 3-х членов. Карамзин, со свойственной склонностью к антитезе вообще, к субъективным антитезам в частности, создает трехчлены, в которых обычно выделяется несколько сопоставительных рядов членов. Показательно, что в трехчленах часто сопоставляются второстепенные члены. «Если противопоставляемые предметы речи выражаются второстепенными членами при наличии в предложении грамматических подлежащих, то противоположные сообщения об этих предметах речи охватывают все остальное содержание предло-

¹³ Грамматика русского языка, АН СССР, т. II, ч. II, стр. 390. Н. С. Поспелов, О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений, стр. 346 и др.

жения, включая подлежащие»,¹⁴ — пишет И. А. Попова. В рассматриваемых конструкциях преимущественно сопоставляются анафоричные второстепенные члены обстоятельственного значения: здесь — тут — там (1), здесь—там—тут (2), там—тут—здесь (3); вслед за ними сопоставляются подлежащие: часть домика — запас поселянина — блеющая овца (1), растение Азии — рожь — ячмень (2), горсть греков — голландские рыбаки — прусский Фридрих (3) — и сказуемые: нестись — мчаться — плыть; сребриться — желтеть — зеленеть и т. д.

В произношении сопоставление структурных элементов частей известным образом выражается интонационным рисунком фразы: тон постепенно повышается от первой части до конца второй части (см. вертикальную черту); с третьей части начинается понижение тона; в каждой части имеют место логические ударения на анафоричных сопоставляемых членах. Таким образом, сопоставительные трехчлены Карамзина отличаются от двухчленных предложений тем, что «повышение» структурно осложнено: оно состоит не из одного предложения, как у двухчленов, а из 2-х сопоставляемых предложений. Осложнение структуры «повышения» и интонационный рисунок всей фразы (повышение и понижение)¹⁵ дают право говорить о периодической форме речи. Рассматриваемые предложения отличаются также смысловой законченностью, что, наряду с другими признаками, характеризует периодическую речь.

Материал предлагает конструкции с чертами «смешанного» периода: I часть (повышение) имеет сопоставительный характер, а II часть (понижение) имеет значение обобщения или заключения:

5) *Здесь* в густой тени *отдыхает* добрый *ремесленник* со своею женою и дочерью; *тут* по аллее медленно *прохаживается* сын его с молодою своею *невестою*; *там* поля с хлебом, сельские работы, трудящиеся земледельцы; / словом, *все просто, тихо и мирно* (Письма, 441).

6) *Одни предлагали* спастись бегством в ночное время; *другие советовали* просить мира у греков, не видя иного способа возвратиться в отечество; /наконец *все думали*, что войско российское уже не в силах бороться с неприятелем (Ист. Гос. Росс., т. I, 1888, 164).

7) *Один родится и умирает* в отцовской своей хижине, не зная, что делается за полями его; *другой хочет все знать, все видеть* — /и необозримые океаны *не могут ограничить* его любопытства (Письма, 402).

8) *Разные тоны составляют гармонию*, всегда приятную для

¹⁴ И. А. Попова, Различные типы высказывания в современном русском языке (структура с союзом а). Доклады и сообщения филологического института, вып. 3, Л., 1951, стр. 126.

¹⁵ А. Б. Шапиро, указ. соч., стр. 30—35.

слуха; *монотония бывает утомительна* —/ и два человека совершенно одинаковых свойств всего скорее *наскучат* друг другу (Цветок на гроб моего Агат., т. III, 1848, 363).

Модели в структурном и интонационном отношении распадаются на две части: I часть представляет собой сочетание двух (7, 8, 6) или трех (5) предложений со значением сопоставления, а II часть (без замыкающего союза или с замыкающим союзом) является простым предложением и имеет обобщающее значение (5, 6) или значение заключения (7, 8). При произнесении первых частей возникает постепенное повышение тона с логическими ударениями на сопоставляемых анафоричных однотипных членах, а вторые части произносятся понижающимся тоном.

В языке современников Карамзина предложения подобной формы встречаются редко и при этом в виде замкнутых конструкций. Ср.:

Логика научила его рассуждать; *математика* верные делать заключения и убеждаться единою очевидностию; *метафизика преподала* ему гадательные истины ведущие часто к заблуждению; *физика* и *химия*, к коим может быть ради изящности силы воображения прилежал отлично, *ввели* его в жертвенник природы и *открыли* ему ее таинства; *металлургия* и *минералогия* яко последственницы предъидущих, *привлекли* на себя его внимание; /и деятельно *хотел* Ломоносов *познать* правила в оных науках руководствующие (А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. I, М.-Л., 1938, Путеш. из Петербурга в Москву, Слово о Ломоносове, 383).

Вельможа, одетый с ног до головы во французский глаzet и убранный по последней парижской моде, *защищал* пользы отечества и *выхвалял* любовь к оному; *судья* ставил честь всего выше; *купец* *хвалял* некорыстолюбие, /но все вообще *согласны* были в том, что законы очень строго наказывают плутов и что надобно уменьшить их жестокость (И. А. Крылов, Соч., т. I, 1945, Письмо X, 67).

Примеры свидетельствуют о том, что язык современников Карамзина отличает состав лексики; ср. обилие старославянских элементов в конструкции А. Н. Радищева; в конструкции И. А. Крылова, с одной стороны, — старославянская лексика: оный, некорыстолюбие, надобно; с другой стороны, — разговорные слова: выхвалять, вообще. Отсутствие обычного порядка слов нередко нарушает стройность формы предложения, ср.: «... к коим может быть ради изящности силы воображения прилежал отлично...» и др.

Язык Н. М. Карамзина показывает, что бессоюзные сопоставительные трехчлены и многочлены обладают стройной формой, которую создают симметрично построенные части с анафоричными сопоставляемыми членами, сходным порядком слов, соотносительностью видовременных форм сказуемых и нейтральным составом лексики. Такие модели используются или для

конкретных описаний, в связи с чем отличаются соотносительностью конкретно-описательных функций сказуемых, ср., например: ... неслась часть домика... — волна мчала — плыла... овца (1); одни читали...; другие курили...; иные гуляли... (4) и др., или для передачи обобщающих наблюдений писателя и отличаются соотносительностью обобщающих, повторительных функций сказуемых, ср.: один рождается и умирает... — другой хочет знать... — океаны не могут ограничить... (7) и др.

Сопоставительные трехчлены и многочлены показательны для «нового» слога писателя — представителя экспрессивного синтаксиса конца 18 — начала 19 вв. Исследуя особенности синтаксической системы Карамзина и его школы, Л. А. Булаховский писал: «Художественная проза первых четырех десятилетий 19 века представлена главным образом аффективными стилями, иначе говоря стилями подчеркнутыми, в той или иной направленности претенциозными, патетическими, вычурными или специально эмоциональными... Все они в той или другой мере, каждый по-своему, орнаментальны (меньше других — слог Сенковского), в каждом из них по-своему, наряду с сюжетами, образами и под., очень большую роль играет как таковой слог, причем это не просто выбор лексики и синтаксических оборотов, а и четко выступающая работа над их своеобразием, выдумка в направлении оригинальности, которая, по авторской установке, должна нравиться»¹⁶ (разрядка наша — Л. Б.). Конструкции рассматриваемого типа в языке Н. М. Карамзина могут служить одной из иллюстраций указанному наблюдению Л. А. Булаховского.

Стремление к занимательной форме изложения, к прихотливым сопоставлениям приводит писателя к созданию своеобразных конструкций, состоящих из трех сопоставляемых частей и представляющих собой отклонение от обычных норм построения сопоставительных предложений. Структурно-семантические и интонационные особенности таких сопоставительных трехчленов разрешают отнести последние к бессоюзным сопоставительным периодам. Подобные периоды являются выразительной, специфической категорией экспрессивного синтаксиса Карамзина, одной из показательных черт его «нового» слога. Язык А. Н. Радищева, Н. И. Новикова, раннего И. А. Крылова, Г. Р. Державина не показал подобных экспрессивных предложений.

Среди бессоюзных предложений со значением последовательности явлений заслуживают внимания конструкции так называемого «симультанного» объединения¹⁷ (кон-

¹⁶ Л. А. Булаховский, Русский литературный язык I половины 19 в., Учпедгиз, 1954, стр. 285.

¹⁷ Выражение взято у В. В. Виноградова. См. В. В. Виноградов, Стиль Пушкина, стр. 282—283.

струкции, отличающиеся статичной объединенностью многих действий, «синтаксической неподвижностью»¹⁸). Мы уже отмечали, что в предложениях со значением последовательности действие воспроизводится своеобразно: оно нередко передается как бы в застывшем виде, статично. Указанному качеству способствует неоднородность соотносительности видо-временных форм сказуемых (наряду с типичной соотносительностью форм сказуемых имеет место нетипичная соотносительность, свойственная выражению одновременных явлений; однако и при типичной для последовательных отношений соотносительности форм сказуемых характер действия глаголов-сказуемых не всегда отличается подвижностью).¹⁹ Такой характер выражения действия в предложениях с последовательными отношениями служит одной из предпосылок, на наш взгляд, для возникновения конструкций «симультанного» объединения.

По наблюдениям В. В. Виноградова, в языке Карамзина воспроизведение сложного действия-процесса может быть различным:

1) оно может распадаться на отдельные акты и восприятия.
Ср.:

Но вдруг огромный храм трясется,
Падет ... упал и нет его!
Что же бедный зодчий? он клянется
не строить впредь, беспечно жить, —
А я клянуся ... не любить

(Н. М. Карамзин, К самому себе, 1795);

2) действие-процесс может представлять собой синтаксическое «слияние» разных действий в один сложный акт; обычно посредством тире включаются все моменты и параллельные события друг в друга и создают единство картины. Подобные конструкции В. В. Виноградов именует «симультантными» и показывает, что они могут состоять из группы предложений или из одного многосоставного предложения с бессоюзной и союзной связью:

«Любовники упали перед алтарем на колени, и — приставили к сердцам своим пистолеты, обвитые лентами; взглянули друг на друга, — поцеловались — и сей огненный поцелуй был знаком смерти — выстрел раздался — они упали, обнимая друг друга (Соч. Карамзина, изд. Смирдина, т. II, 426)».²⁰

Бессоюзные многочлены с последовательными отношениями, в которые часто включается союзная (обычно присоединитель-

¹⁸ Там же, стр. 522.

¹⁹ См. Л. С. Байкова, Двухчленные и трехчленные бессоюзные предложения в языке Н. М. Карамзина, стр. 17.

²⁰ В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 282—283.

ная) связь, можно считать одним из проявлений конструкций «синхронного» объединения. Ср.:

1) *Сажусь под тенью вяза, растущего против самых окон моих; читаю Ла-Фонтена, Грессета — книга из рук моих выпадает, и тонкая дремота на несколько минут покрывает глаза мои флером — зефир свежает его — пробуждаюсь, и чувствую легкий жар в моей внутренности — услужливый садовник приносит мне корзинку с благовонною малиною ...* (Очерк «Деревня», т. VII, 1820, 122).

Некоторые части, обладая значением добавочного сообщения, имеют присоединительный характер (...зефир свежает его...; ...и чувствую легкий жар в моей внутренности...).

2) *Он имел неприятелей злых и коварных; представили доказательство мнимой его измены и согласия с мятежниками; отец мой клялся в своей невинности, но обстоятельства осуждали его, и рука высшего судии готова была подписать ему смерть ... надежда исчезла в душе невинного — один всевышний мог спасти его — и спас* (Наталья, б. д. 84).

Наряду с последовательной связью, здесь имеет место отенок следствия между первыми частями, противительная связь с союзом «но» и присоединительная связь с союзом *и*. Кроме того, наблюдается комбинация видо-временных значений глагольных сказуемых: сочетание аористических значений (имел неприятелей, исчезла) с результативными (представили, спас) и имперфектными (клялся, осуждали).

3) *Так жила боярская дочь, и семнадцатая весна жизни ее наступила; трава зазеленелась, цветы расцвели в поле, жаворонки запели — и Наталья, сидя поутру в светлице своей под окном, смотрела в сад, где с кусточка на кусточек порхали птички, и нежно лобызаясь своими маленькими носиками, прятались в густоте листьев (там же, 73).*

Здесь также имеет место комбинация видо-временных значений сказуемых: начинательных (наступила, запели) и результативных (зазеленелась, расцвели) совершенного вида с имперфектными (жила) и аористическими (смотрела) несовершенного вида. В конце конструкции — присоединительная связь с союзом *и* (...и Наталья ... смотрела в сад).

4) *Их выгнали — дверь затворилась и опять потихоньку стала отворяться — все туда оборотили глаза и увидели почтмейстерову голову* (Письма, 287).

Первый союз *и* является показателем присоединительной связи.

5) *Лиза рыдала — Эраст плакал — оставил ее, она упала, стала на колени, подняла руки к небу и смотрела на Эраста, который удалялся далее — далее и наконец скрылся — воссияло солнце, и Лиза, оставленная, бедная, лишилась чувств и памяти* (Бедн. Л., 247).

Последняя часть с союзом и имеет присоединительный характер; между двумя первыми частями — одновременные отношения; наблюдается сочетание имперфектных значений (рыдала, плакал) с однократными (оставил, упала) и результативными (воссияло, лишилась чувств и памяти) у глагольных форм сказуемых.

Итак, можно выделить некоторые черты, объединяющие многочлены рассматриваемого типа: во-первых, известную расчлененность частей, которая выражается в наличии присоединительных связей (ср. 1, 2, 3, 4, 5), во-вторых, разнородность состава, которая может находить выражение в структурной разнотипности частей (ср. 1, 2, 4), в комбинации различных видо-временных значений сказуемых (ср. 2, 3, 5), в «слиянии» неоднотипных смысловых связей (ср. 2, 5). Указанные особенности, с точки зрения современной науки о синтаксисе, разрешают усматривать в подобных конструкциях элементы особой синтаксической единицы — сложного синтаксического целого.²¹ Н. С. Поспелов отмечает, что сложное синтаксическое целое в отличие от сложного предложения, пользуясь бессоюзными связями и присоединительными конструкциями, оказывается более расчлененным в своей синтаксической структуре, чем сложное предложение.²² В таких сложных единицах видно значение составляющих их элементов, вместе с тем они обладают замкнутой синтаксической структурой и выражают законченную мысль высказывающегося,²³ являясь «живой клеткой авторской речи».²⁴

Сложные целые «симультианного» построения могут обладать элементами периодической речи:

6) Сердце мое *бьется*; я *смотрю* и *слушаю* — шорох *приближается* — *разделяются* ветви — вечерняя роса *обливает* меня — /и Хлоя в моих объятиях (Очерк «Ночь», т. III, 1848, 671).

7) Радость, восхищение, сладостное безмолвие — руки наши *сплелися* — уста *трепещут*, *слипаются* — я *прижимаю* Хлою к горячей груди моей — она меня к своей *прижимает* — густой мрак *покрывает* мои глаза — тонкое пламя *обнимает* все существо мое, *лиется* из нервы в нерв — ноги мои *подгибаются* — я *плаваю*, *утопаю* в сладостях — *забываю* самого себя — душа моя *соединяется* с душой Хлои — *замирает* — /и мы *лишаемся* чувства . . . (Там же, 671).

²¹ Н. С. Поспелов, Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры, АН СССР, Доклады и сообщения ин-та русского языка, вып. II, М., 1948; Н. С. Поспелов, Синтаксич. строй поэмы Пушкина «Медный всадник», Доклады и сообщения филологич. ф-та, Изд. МГУ, вып. I, М., 1946; А. А. Реформатский, Введение в языкознание. М., 1960, 66.

²² Н. С. Поспелов, указ. соч., стр. 53.

²³ Там же, стр. 68.

²⁴ Там же, стр. 62.

8) Хлоя устремляет на меня томный взор свой; две слезы катятся из глаз ее — она опускает голову на грудь мою — легкий ветерок провеваает ее русые волосы — мирты осыпают нас млечным светом своим — душа моя освежается — утихает волнение в крови моей — сердце мое покойно и весело — я обнимаю Хлою, питаю взоры свои открытыми ее прелестями, / и благословляю любовь всемогущую (там же, 672).

9) Какая-то старушка подралась на улице с каким-то стариком; пономарь вступился за женщину; старик выхватил из кармана пистолет и хотел застрелить пономаря, но люди, шедшие по улице, бросились на него, обезоружили и повели его . . . á la lanterne (на виселицу); отряд национальной гвардии встретился с сею толпой людей, отнял у них старика и привел в ратушу — / вот что было причиной волнения (Письма, 429).

10) Вошел первый человек — не он! вошел другой — не он! третий четвертый — все не он! вошел пятый, — /и все жилки затрепетали в Наталье — это он, тот красавец, которого образ навсегда в душе ее впечатлелся (Наталья б. д., 77).

11) Сердце Алексеево затрепетало; кровь закипела — он схватил со стены меч отца своего — взглянул на супругу — /и меч упал на землю — слезы показались в глазах его (там же, 88).

Особенности «симультанного» построения фраз (ср. 6—11) заключаются в синтаксическом «слиянии» многих, преимущественно последовательных действий в один сложный акт; последовательные отношения иногда осложняются параллельными логическими связями. ср., например, сопоставительную связь внутри конструкции 7 (. . . я прижимаю Хлою к горячей груди моей — она к своей меня прижимает . . .), следственные отношения в 9 примере (. . . пономарь вступился за женщину; старик выхватил из кармана пистолет и хотел застрелить пономаря . . .), противительно-присоединительную связь в 10 фразе (вошел первый — не он! и т. п.). Однако в «симультанных» конструкциях с элементами периодической речи мы иногда не обнаруживаем той разнородности состава, которая отмечалась выше (1—5). Н. С. Поспелов отмечает, что в некоторых случаях «синтаксическое движение внутри сложного синтаксического целого не меняет принятого направления. . .»²⁵ Ср. ровное синтаксическое «движение» в предложениях 6, 7, 8, 9; эта особенность достигается соотносительностью однотипных видо-временных форм сказуемых и не случайно присуща периодической, округленной форме речи. Признаки последней также заключаются в распадении конструкций в структурном и интонационном отношении на две части: первые части («повышения»), большие по размеру, отличаются сходством синтаксической структуры, известной со-

²⁵ Н. С. Поспелов, указ. соч., стр. 60.

размерностью и лаконизмом простых предложений; вторые части («понижения»), меньше по объему простые предложения, имеют значение заключения (6, 7, 8, 10, 11) или обобщения (9). В живом произношении «... повышающаяся часть вызывает у слушателя (читателя) нарастание ожидания второй части; пауза, следующая за повышением, не разрешает этого напряжения, а лишь усиливает его, разряжение же идет в понижающейся, второй части периода».²⁶ Следует отметить, что в 8 предложениях II часть (понижение) представляет собой однородное сказуемое, поэтому в таких конструкциях мы усматриваем только элементы периодической речи.

Стилистически конструкции с признаками «симультанного» построения служат средством для описаний, которые иногда передают «сложную, играющую изменчивыми красками картину»²⁷ (ср., например, 5, 9, 10, 11), чувства и переживания индивидуума, за которым стоит автор (ср. 6, 7, 8). У Ю. Лотмана мы находим меткое наблюдение над синтаксисом Н. М. Карамзина, которое в известной мере подтверждается исследуемыми конструкциями: «Для изображения ее (смены субъективных состояний автора — Л. Б.) приходится прибегать к своеобразному синтаксису — системе соединенных помощью тире фраз, из которых каждая выражает не законченную мысль, а отрывочный намек».²⁸

Воспроизводимое действие во многих предложениях «симультанного» построения, несмотря на преобладание последовательных отношений, лишено подвижности и быстроты: оно статично и как бы «убаюкивает» читателя. Указанная особенность достигается, на наш взгляд, рядом приемов писателя: употреблением соотносительности видо-временных форм сказуемых, нетипичной для выражения последовательных отношений (ср., например, 1, 2, 3, 5, 7, 6, 8), использованием порядка слов, способствующего напевности фразы (ср. постановку определенных после определяемых слов: ... из рук *моих*, ... глаза *мои*, ... жизни *ее*, ... сердце *мое*, ... в крови *моей*, ... грудь *мою*, ... взор *свой* и т. д.), часто подчеркнутой соразмерностью частей конструкций (см. примеры), соответствующим подбором лексики, во многих случаях рассчитанной на эстетический и психологический эффект у читателя (ср. томный, прелести, благословлять, мирты, сладостный, затрепетать, впечатляться, слезы и т. п.).

Материал языка современников Карамзина не обнаруживает конструкций «симультанного» объединения, где имело бы место

²⁶ А. А. Акишина, указ. соч., стр. 4.

²⁷ Ю. Лотман, Эволюция мировоззрения Карамзина 1788—1803, Уч. зап. Тартуского госуниверситета, вып. 51, 1957, стр. 141.

²⁸ Там же.

статичное объединение ряда последовательных действий в форме соразмерных, обычно структурно не осложненных и нередко равных в живой речи одной синтагме частей. Но ср. отдельные случаи близкого к многочленам Н. М. Карамзина построения сложного предложения со значением последовательности явлений у А. Н. Радищева:

Всяк *узрит* бранные его (истукана власти — Л. Б.) ноги, всяк *возвратит* к себе данную им ему подпору, сила *возвратится* к источнику, истукан *падет* (А. Н. Радищев, Избр., соч., т. I, АН СССР, 1938, Путеш. из П. в М., гл. «Торжок», 333).

Однако воспроизводимое действие-процесс в конструкции Радищева обладает динамизмом в отличие от малоподвижного, часто застывшего действия в многочленах Карамзина. Не случайна, очевидно, здесь соотносительность форм будущего времени совершенного вида у сказуемых. Подобная соотносительность форм сказуемых — редкое явление в бессоюзных предложениях Карамзина.

Таким образом, сложные целые «симультанного» построения так же, как и многочленные предложения со значением одновременности и сопоставления явлений, являются синтаксико-стилистическими категориями, отражающими определенные черты индивидуального в синтаксисе Н. М. Карамзина.

Вместе с тем форма бессоюзных предложений и замкнутых конструкций, отличающихся смысловой завершенностью и распадающихся в структурном и интонационном отношении на две части («повышение» и «понижение»), в целом ряде случаев сходна с формой периода в современном его понимании.

Список

сокращенных наименований произведений Н. М. Карамзина

Письма	— Письма русского путешественника.
Бедн. Л.	— Бедная Лиза.
Марфа-пос.	— Марфа-посадница.
Наталья, б. д.	— Наталья, боярская дочь.
Остров Борнгл.	— Остров Борнгольм.
Рыцарь н. вр.	— Рыцарь нашего времени.
Прекр. цар. и щастл. Карла	— Прекрасная царица и щастливой Карла.
Ист. Гос. Росс.	— История Государства Российского.
Цветок на гроб моего Агат.	— Цветок на гроб моего Агатона.
Аф. ж.	— Афинская жизнь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Двучленные и трехчленные бессоюзные предложения в языке Н. М. Карамзина	3
Многочленные бессоюзные предложения в языке Н. М. Карамзина	21
Список сокращенных наименований произведений Н. М. Карамзина	36

Тартуский государственный университет
Тарту, ул. Юликооли, 18
Л. С. Байкова

БЕССОЮЗНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ
Н. М. КАРАМЗИНА

Отв. редактор А. Б. Правдин
Корректор Л. Т. Брафманн

Сдано в набор 2/II 1963. Подписано к печати
13/IV 1963. Бумага 60×90,1/16. Печатных листов 2,5.
Уч.-издательских листов 2,5. Тираж 500 экз.

Заказ № 1093.

Типография им. Ханса Хейдеманна,
ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 17/19, I.

Цена 15 коп.